

Глава 55: Ты нацеловался?

Окружающая сцена исказилась, стеклянная комната вдалеке начала рушиться, тренажеры разбились на десятки тысяч осколков, а керамическая плитка под ногами осыпалась, словно падая в бездонную пропасть.

Лу Жун удивленно огляделся и увидел, что Шэнь Цзицзе, ступая по пустоте, бежит к нему.

Шэнь Цзицзе подбежал к нему и, обнимая белого оленя, несколько раз спросил: "Жун-Жун, ты в порядке?"

Увидев, что олень качает головой, он вздохнул с облегчением, у него тут же отлегло от сердца. Только тогда он обнаружил, что у него под ногами ничего нет, и он хаотически плывет в пустоте.

"А!" — Он коротко вскрикнул.

Лу Жун быстро лизнул тыльную сторону чужой ладони, давая понять, что всё в порядке и он не упадёт.

Шэнь Цзицзе осторожно поднял ноги, заметив, что, хотя под ногами ничего нет, оставалось ощущение, что он ступает по земле, поэтому перестал паниковать и огляделся, обняв белого оленя.

"Жун-Жун, это должно быть глубь иллюзии, то есть ядро каждой иллюзии, — он объяснил Лу Жуну. — Я не знаю, кто создал эту иллюзию, но независимо от того, как она выглядит, внутренность именно такая."

Лу Жун тоже огляделся, подергивая чёрным носом, дабы уловить здешний ароматы, и, почуяв в воздухе сильный рыбный запах, ощутил какие-то злые любопытные взгляды.

"Что это?" — Шэнь Цзицзе внезапно указал пальцем в определенном направлении.

Лу Жун посмотрел вперёд и увидел недалеко два плавающих овальных объекта, похожие на большие коконы шелкопряда, светящиеся мягким белым светом.

"Давай пойдём и посмотрим," — Шэнь Цзицзе шагнул туда, и Лу Жун поспешно последовал за ним.

Поскольку вокруг пустота и нет ничего, что можно было бы использовать в качестве ориентира, казалось, что два эллиптических объекта находятся недалеко друг от друга, но когда они действительно приблизились, то обнаружили между ними существенное расстояние.

По мере приближения Лу Жун заметил, что внутри предмета, похожего на яичную скорлупу, что-то есть, и постепенно очертания стали чёткими, как будто внутри свернулись калачиком два человека.

Его сердце бешено заколотилось, он не мигая смотрел перед собой. Шэнь Цзицзе тоже заметил его нервозность, напрягая челюсть, его шаги ускорились.

В конце концов Лу Жун не выдержал и пустился рысью, затем подпрыгнул и побежал на четырех копытах, Шэнь Цзицзе следовал за ним по пятам.

Подбежав к месту, находившемуся более чем в десяти метрах от яичной скорлупы, он остановился, медленно двигаясь дальше. Четыре копыта шагали осторожно, как будто боялись разбудить спящего человека внутри яичной скорлупы.

В двух яичных скорлупках отчетливо виделись фигуры, неподвижно свернувшиеся калачиком, как младенец в материнской утробе. Но поверхность панциря была покрыта слоем слизи, и разглядеть людей, находившихся внутри, было невозможно.

Лу Жун хотел шагнуть вперёд, но не осмелился, стоял неподвижно, безудержно дрожа.

Шэнь Цзицзе подбежал ближе, и когда он увидел состояние Лу Жуна, сразу же снял верхнюю часть одежды, обнажая мускулы, и, сделав ещё два шага вперед, вытер своей одеждой слизь, покрывающую скорлупу.

От его действий лица людей, находившихся внутри, прояснились. И когда Лу Жун различил внешность одного из них, слёзы мгновенно заволокли его взор, он прошептал в своём сердце: Ту-гэ.

Ван Ту был точно таким же, каким он его помнил, с спокойно закрытыми глазами, будто спящий. На нём всё тот же чёрный пуховик, в котором он был, когда они расстались, а на правой стороне его лица, как и в ту ночь, была свежая рана, из которой сочились капельки крови.

Он подавил своё внутреннее волнение, некоторое время смотря на Ван Ту, перевёл взгляд на другую яичную скорлупу и обнаружил, что внутри спит дядя Чэнь, такой же, как и в ночь их разлуки.

Шэнь Цзицзе начисто вытер слизь с двух скорлупок и пошарил вокруг руками в поисках чего-нибудь похожего на кнопку или рычаг.

Но скорлупа сделана из какого-то неизвестного материала, она твердая и гладкая, не говоря уже о переключателях, на ней нет даже трещин.

Лу Жун шагнул вперёд, жестом велел Шэнь Цзице отойти, а затем поставил переднее копыто на яичную скорлупу, где лежал Ван Ту.

Красные линии на его ногах внезапно ярко засияли, испуская жгучее сияние, и с непрерывным треском на яичной скорлупе появилось множество трещин.

Он вновь поднял копыто и сильно ударил им по яичной скорлупе. После сильного удара кажущаяся твердой поверхность скорлупы внезапно разлетелась на куски и взмыла в воздух.

Лу Жун посмотрел на Ван Ту, который находился всё ещё в своей первоначальной позе, его глаза покраснели, и он тяжело задышал. Шэнь Цзице подошёл, присел на корточки рядом с ним и успокаивающе положил руку ему на спину.

Казалось, прошло полвека, но на деле всего несколько секунд. Ван Ту, до этого сидевший неподвижно, вдруг выдохнул и медленно открыл глаза.

Он посмотрел на белого оленя перед собой, на мгновение на его лице отразилось изумление, и он пробормотал: "Господин Лу Хун."

Из-за того, что он долгое время не говорил, его голос был таким хриплым, а горло пересохшим, он, пошатываясь, выпрямился, словно хотел отдать честь.

Лу Жун не мог произнести ни слова, просто смотрел, пока слёзы не хлынули из его глаз. Шэнь Цзице устался на Ван Ту и крепче обнял Лу Жуна, успокаивая.

Ван Ту посмотрел на плачущего белого оленя и подозрительно спросил: "Вы... вы не господин Лу Хун?"

Он оглядел Лу Жуна с головы до ног, его взгляд скользнул вниз от серебряных рогов, похожих на маленькие веточки, к четырём копытам с красными полосками. Словно вспомнив о чем-то, он вдруг рассмеялся.

Потом его глаза покраснели, губы задрожали, и он тихо прошептал: "Жун-Жун."

Лу Жун медленно шагнул вперед, Шэнь Цзице отпустил его руку и встал. Он не был знаком с Ван Ту, поэтому по-прежнему сохранял бдительность, внимательно следя за каждым движением Лу Жуна.

Ван Ту тоже продолжал смотреть на Лу Жуна, и когда тот подошёл к нему, он присел на корточки и протянул руку, нежно коснувшись пары серебряных рогов, его глаза блестели кристальной водой.

Лу Жун легонько понюхал его, вдыхая знакомый запах, сопровождаемый его с юности.

"Жун-Жун, ты вырос," — Ван Ту поперхнулся, голос казался сдавленным.

Лу Жун опустил голову, дважды легонько потерся затылком о грудь и закрыл глаза. Капли воды скатывались с глаз и тут же падали в пустоту.

Шэнь Цзицзе наконец расслабился и только молча стоял в стороне, спокойно наблюдая, как обнимаются человек и олень.

Через некоторое время волнение Ван Ту, наконец, немного улеглось. Он вытер глаза, встал, посмотрел на другую яичную скорлупу рядом с собой и сказал: "Шисюн всё ещё внутри, я должен его выпустить."

Он шагнул вперёд и прижал правую руку к скорлупе, та мгновенно испустила золотистый свет, и на ней загорелась руна. Затем она со щелчком распахнулась пополам, и за ней показался дядя Чэнь, спавший внутри.

Ван Ту погладил дядю Чэнь по голове и позвал: "Шисюн, проснись."

Веки дяди Чэнь задрожали, он громко зевнул, причмокнул и открыл глаза.

Он вскочил с яичной скорлупы и как только собрался заговорить с Ван Ту, стоявшим перед ним, увидел сбоку Лу Жуна. После двух секунд шока, на его лице появилось то же выражение удивления, что и тогда, когда Ван Ту впервые увидел Лу Жуна, затем он опустился на колени, отдавая честь.

Ван Ту схватил его за руку: "Шисюн, это Жун-Жун, а не господин Лу Хун."

"Жун-Жун? — Дядя Чэнь, с широко открытыми глазами, громко спросил. — Как Жун-Жун вырос таким большим?"

Лу Жун поспешно выбежал вперёд, показывая дяде Чэнь свою внешность, сосредоточив внимание на паре уже выросших серебряных рогах.

Дядя Чэнь с облегчением и радостью посмотрел на подростка белого оленя, стоявшего перед ним: "Конечно, это Жун-Жун, Жун-Жун стал таким большим, хорошо, это здорово."

Затем он отреагировал и ошеломленно спросил: "Жун-Жун вырос, тогда мы.. как долго мы были здесь заперты?"

"Примерно, может быть..." — Ван Ту посмотрел на Лу Жуна со сложным выражением лица.

Дядя Чэнь слегка приоткрыл рот, но ничего не сказал.

Лу Жуну нужно было многое им сказать, поэтому он хотел перевоплотиться обратно. Как только он развязал ношу на шее, Шэнь Цзицзе, стоявший в стороне, бросился к нему, преграждая путь.

"Извините, два дяди... Гэгэ... Жун-Жун собирается превратиться обратно, пожалуйста, повернитесь," — он повернул голову и обратился к Ван Ту и дяде Чэнь.

Поскольку они оба все ещё сохраняли свою молодую внешность, даже дяде Чэнь было чуть за тридцать, поэтому он сменил обращение с «дядя» на «гэгэ».

Почему мы должны развернуться и не смотреть, когда он перевоплощается? И Ван Ту, и дядя Чэнь были застигнуты врасплох. Дядя Чэнь отреагировал первым, сразу же повернулся спиной, хмуро посмотрев на Ван Ту: "Жун-Жун стал старше, он уже не ребенок, быстро повернись."

Только тогда Ван Ту заметил Шэнь Цзицзе, его брови слегка изогнулись, и он спросил недобрым тоном: "Кто ты?"

Шэнь Цзицзе вежливо ответил: "Я гэгэ Жун-Жуна."

"Гэгэ? Когда у Жун-Жуна появился ещё один гэгэ? — Ван Ту нахмурился ещё сильнее. — Почему ты тоже в иллюзии?"

По какой-то причине Шэнь Цзицзе вдруг занервничал из-за вопроса его будущего дядя-брат, он ответил: "Мы знаем друг друга с детства и вместе пережили несколько иллюзий. Я не знаю, почему я здесь."

Ван Ту с подозрением оглядел его с ног до головы, Шэнь Цзицзе тут же выпрямился.

Лу Жун наклонил голову, чтобы посмотреть на них двоих. Видя, что атмосфера между ними необычная, он поспешно протиснулся, выпрямился и с нежным видом обнял Шэнь Цзицзе передними копытами. Он вновь повернулся к Ван Ту, выражение его лица явно говорило: Не волнуйся, он свой.

Дядя Чэнь задумчиво похлопал Ван Ту по плечу: "Шида, Жун-Жун уже взрослый, тебе будет неловко смотреть на него, отворачивайся."

"Тогда почему этот человек не оборачивается?"

"О, гэгэ, почему это тебя так волнует? Он тоже сразу же развернётся, ладно?"

Ван Ту посмотрел на человека и оленя, крепко обнимающихся на противоположной стороне, и спокойно повернулся, его сердце наполнилось печалью, что его ребенок гонится за другим, называя его «гэгэ».

Лу Жун поспешно встал позади Шэнь Цзицзе, снова принял человеческий облик и оделся.

"Ту-гэ, дядя Чэнь."

Мгновение спустя зазвучал чистый мужской голос, слегка дрожащий от волнения.

Ван Ту обернулся и посмотрел на красивого мальчика, который вырос и стал взрослым, его глаза вновь покраснели.

Он подавил бурлящие в его сердце эмоции и, внимательно глядя на человека напротив, сказал глухим голосом: "Жун-Жун, ты так вырос..."

....

Поскольку место, в которое они вошли, отличалось от других иллюзий, они не знали, куда попадут при выходе отсюда. Несколько человек приняли решение, просто сели на землю в этой пустоте и начали рассказывать о своих приключениях за эти годы.

После того, как Ван Ту и дядя Чэнь в том году попали в иллюзии, они долго боролись со своими противниками. Хотя они очень старались, у них не было сил справиться с оставшимися злыми духами и привидениями, поэтому использовали доспехи своего хозяйства — яичную скорлупу, и заснули, как в спячке, ожидая, когда кто-то придёт на помощь.

На лице Лу Жуна ещё были слезы, когда он спрашивал: "Ту-гэ, кто с вами сражался? Кто создал эту иллюзию? Что именно он хочет?"

"Это Чжу Чжао (1)," — Ван Ту ответил после недолгого раздумья.

(照 [zhúzhào] — озарять, освещать, Чжу Чжао как имя, такого существа нет в мифологии.)

"Чжу Чжао?"

Ван Ту сказал: "В древние времена древние Боги пали один за другим, включая бога Фу Си (2), и его гора Куньлунь (3) также погрузилась в глубокий сон, вместе с Чжу Чжао. Поскольку он боялся, что, когда проснётся, небеса и земля перевернутся, бог Фу Си приставил двух

старейшин, Фу Чжу и Бай Цзэ(6) охранять могилу Чжу Чжао. После того как Фу Чжу и Бай Цзэ превратились в прах, могилу продолжили охранять потомки, унаследовавшие их кровь, обязанность передавали из поколения в поколение."

(Фу Си — изначальный бог в даосизме, он муж и брат Ньювы — богиня, создавшая человечество по теории даосизма.

Куньлунь — мифическая гора, мировая ось и божественность. Данная гора не находится на одном месте, в каждой легенде она стоит в разных местах. Куньлунь подобна Олимпу, на ней проживают различные боги и богини, экзотические растения и животные.

Фу Чжу и Бай Цзэ — фантастические существа. Бай Цзэ внешне напоминает рогатого льва, по легенде именно он рассказал Хуан-ди — величайшему императору, о всей нечисти, и тот её зарисовал. Фу Чжу внешне похож на оленя только с четырьмя рогами, управляет водой, о нём нигде нет информации, только на каком-то непонятно сайте и то всего 4 абзаца, ни на английском, ни на русском.)

"Чжу Чжао по-настоящему проснулся более 20 лет назад. Без подавления Бога Фу Си он бы творил зло в полной мере, превратив мир на земле в чистилище, а существ на небесах и земле в злых духов, которые подчиняются приказам. Он хочет быть единственным богом в этом мире."

"Бай Чжи — потомок мастера Бай Цзэ, мой мастер, то есть твой дядя Бай. Вместе с Лу Хуном, потомком Фу Чжу, он вступил в решающую битву не на жизнь, а на смерть с Чжу Чжао. В той трагической битве лорд Лу Хун, к сожалению, пал..."

Хотя Лу Жун никогда не видел лорда Лу Хуна, когда он услышал это, его грудь почему-то переполнилась сильной печалью, и внезапно хлынули слёзы.

Шэнь Цзицзе, сидевший рядом с ним, казалось, что-то почувствовал и протянул руку, чтобы заключить его в свои объятия.

"Способности Фу Чжу будут передаваться по наследству, поэтому Чжу Чжао хотел избавиться от его потомков. Хотя господин Лу Хун погиб в результате несчастного случая, госпожа Лу только родила ребёнка, и Чжу Чжао собирался найти его, чтобы избавиться от наследника."

"К счастью, Чжу Чжао был серьёзно ранен в предыдущей битве, поэтому мастер и госпожа Лу объединили усилия, чтобы помешать ему убить ребёнка. Он получил более серьёзные травмы и смог сбежать в такое место, где его никто не смог бы найти, чтобы исцелиться, — Ван Ту печально сказал. — Но, чтобы защитить ребенка, госпожа Лу получила сильный удар в грудь, и, в конце концов, не смогла больше проснуться..."

"Мой мастер Бай Чжи тоже был ранен, но он всё ещё отчаянно пытался сохранить родословную господина Лу Хуна и передал её мне и моему шисюну, чтобы мы спрятали и

воспитали."

Глаза Ван Ту покраснели, наполняясь слезами. Он посмотрел на Лу Жуна и махнул рукой: "В то время ему было всего несколько месяцев, и он был чуть больше, чем котёнок, лежал в одеяле и тихо плакал. Мы с шисюном подозревали, что тот не сможет выжить, поэтому по очереди обнимали его всю ночь напролет, опасаясь, что будет плакать так сильно, что задохнётся. Мы спрятались в Тибете, избавились от слуг-призраков, которые следили за нами, и наконец приземлились в столице."

Лу Жун уже понял, что он говорит о нём, сжал кулаки и беззвучно заплакал. Шэнь Цзицзе прижал его голову к своей груди и нежно похлопал по спине.

Худая спина Лу Жуна сжалась, а из горла вырвались неудержимые рыдания. Он услышал, как Ван Ту продолжает говорить сам с собой: "Но в конце концов, нас нашёл Чжу Чжао там, где мы прятались, но мой учитель нашёл место, где он мог бы исцелиться. Они сражались, и Чжу Чжао, испугавшись, что ты выживешь, ведь тогда он определенно не сможет справиться с нами, сражаясь с моим учителем, разделил часть своих духовных сил, чтобы создать иллюзию и заманить тебя в ловушку."

"Учитель тащил его за собой все эти годы. Жаль, что мы с шисюном слишком слабы, чтобы защитить тебя. Вместо этого мы оказались в ловушке иллюзии. Если бы не броня, подаренная мастером, мы бы уже давно умерли."

Голос Ван Ту задрожал: "Жун-Жун, Ту-гэ сочувствует тебе, ты страдал все эти годы."

....

После рассказа о прошлом, после того как Лу Жун переварил всю информацию и успокоился, Ван Ту и дядя Чэнь отправились на поиски Бай Чжи. Теперь они покидают царство иллюзии и отправляются в горы за тысячи миль отсюда.

Отведя Лу Жуна в сторону, Ван Ту торжественно сказал: "Жун Жун, я собираюсь найти учителя. Но мастер не может справиться с Чжу Чжао в одиночку, только твоя сила может помочь, если вы объединитесь. Ты вырос, и тебе придётся взять на себя обязанность отца, понимаешь?"

Лу Жун торжественно сказал: "Ту-гэ, не волнуйся, я понимаю."

Ван Ту погладил его по голове, посмотрел на его худое тело и сказал с грустью и облегчением: "Если бы твой отец был жив..."

"Ту-гэ, я могу сделать то же самое," — перебил его Лу Жун.

"Хорошо, тогда жди от меня новостей."

Лу Жун повернулся и увидел Шэнь Цзицзе, стоявшего неподалеку и ошеломленно смотревшего на него. Когда они встретились взглядами, на его лице появилась легкая улыбка.

Когда Ван Ту и дядя Чэнь исчезли, Лу Жун спросил Шэнь Цзицзе: "Гэгэ, может, нам тоже выйти?"

Шэнь Цзицзе немного подумал и сказал: "Иди первым, а я выйду позже."

Увидев, что Лу Жун озадаченно смотрит на него, он объяснил: "Не забывай, что в бутылке с приправами всё ещё сидит человек. Если мы выйдем, он останется тут навсегда. Я должен найти его, его тело всё ещё лежит в моём доме, что мне делать, если он окажется мёртв? Ты выйди, я найду его. Тело этого парня, должно быть, сейчас в коридоре, крепко свяжи его веревкой, потом передадим полиции."

"Мм, ты должен быть осторожен."

"Хорошо."

Лу Жун дошёл до телепорта и вышел.

Было уже утро, рассвет пробивался сквозь занавески на большую кровать в центре комнаты. Лу Жун, лежавший на кровати, внезапно пошевелил пальцами и открыл глаза.

Встретив Ван Ту в иллюзии и выслушав его рассказ о своей жизни, Лу Жун всё так же пребывал в оцепенении. Пролежав долгое время на кровати, он встал.

Открыв дверь спальни, он прошёл в гостиную и сорвал с вешалки ткань.

Конечно же, в обувном шкафу у входа вверх ногами лежал человек, это был сумасшедший, переодетый уборщиком. Лу Жун присел на корточки, крепко связал пострадавшего ремешком от халата, засунул ему в рот кусок ткани и позволил ему продолжать лежать на полу.

Он вновь подошёл к спальне Шэнь Цзицзе и открыл дверь.

Обстановка в спальне была такой же, как и в его грёзах. Пространство пусто, почти нет мебели, в углу стоял открытый чемодан.

Лу Жун подкрался к краю кровати и сел, спокойно глядя на спящего человека на кровати.

Зная, что Шэнь Цзицзе не проснётся, он без всякого умысла обвёл глазами очертания лица.

Лицо его гэгэ такое острое и угловатое, оно совсем не такое, как в детстве... Ну, переносица у него всё такая же высокая, а ресницы такие же длинные...

Лу Жун поколебался, вытянул палец и постучал ему по лбу. Он коснулся его бровей, нежно провёл по переносице и остановился на тонких губах.

Губы гэгэ такие мягкие...

Выражение лица Шэнь Цзицзе было спокойным, казалось, ещё спит, он не отреагировал, даже когда проводили пальцем по лицу.

Лу Жун знал, что он в иллюзии, потому стал храбрее. Он неосознанно сглотнул, уставился на идеально очерченный изгиб губ, немного опустил голову, сжал губы и прижал их к своим.

Изначально он хотел лишь слегка коснуться, но ощущение близкого контакта с Шэнь Цзицзе было настолько прекрасным, что его сердце затрепетало от счастья, и он не смог удержаться, чтобы не прикоснуться к ним ещё раз.

...Хорошо...

В конце концов, они просто лежали рядом, не расставаясь.

Они дышали одним воздухом, в тишине спальни было слышно только поверхностное дыхание. Лу Жун больше не был удовлетворен таким прикосновением, он осторожно высунул кончик языка и нежно лизнул губы спящего человека... пока у входа в гостиную не раздались несколько глухих ударов.

Затуманенный разум Лу Жуна внезапно пришёл в себя, и он отреагировал на проснувшегося связанного уборщика

Он поспешно выпрямился, чтобы оценить положение того человека, но чья-то сильная рука мгновенно обхватила его за талию, удерживая на месте.

Лу Жун вздрогнул, опустил голову, чтобы посмотреть на лежащего под ним Шэнь Цзицзе, и обнаружил, что тот открыл глаза и смотрит на него.

Его глаза были чистым.

Всё закрутилось, и он обнаружил, что они поменялись местами, Шэнь Цзицзе уложил его на

кровать.

Шэнь Цзицзе склонился над ним и снисходительно посмотрел, спрашивая хриплым голосом: "Ты нацеловался?"

"Ты... ты.. когда ты вернулся?" — Руки Лу Жуна была закинута ему за голову, он, заикаясь, спросил.

Шэнь Цзицзе некоторое время смотрел на него с прищуром, а потом сказал с улыбкой: "С того самого момента, как ты прикоснулся пальцами к моим бровям."

Лу Жун задержался на мгновение, вспоминая только что произошедшую сцену, ему было настолько неловко, что просто захотелось завернуться в одеяло и свернуться калачиком. Но Шэнь Цзицзе продолжал сжимать его руки, глубокие чёрные глаза на мгновение остановились на нём.

Лу Жун дважды попытался выбраться, но потерпел неудачу, покраснев, сказал: "Плохой гэгэ."

Шэнь Цзицзе ответил с серьёзным выражением лица: "Похотливый гэгэ."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326884>